

СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Ю.В. Пуцаев

СОВЕТСКИЙ ДОСТОЕВСКИЙ: ДОСТОЕВСКИЙ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ, ИДЕОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Юрий Владимирович Пуцаев – кандидат философских наук, научный сотрудник философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; старший научный сотрудник. Института научной информации по общественным наукам РАН. Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр., д. 51/21; e-mail: putschaev@mail.ru

В статье ставится задача проанализировать, как творчество Достоевского воспринималось и подавалось в советской идеологии и философии, каким он был, «советский Достоевский». Вопреки довольно распространенным суждениям показывается, что, несмотря на ограничения, речь о полном запрете или неиздании произведений Достоевского никогда не шла, в том числе и в сталинские годы. Тогда издавали и отдельные произведения Достоевского, и даже собрания его сочинений. Показано, как Достоевский присутствовал в школьной программе по литературе. Рассматривается восприятие творчества и идей Достоевского советскими вождями – В.И. Лениным и И.В. Сталиным. Делается вывод, что официальная идеологическая позиция в отношении Достоевского не была лишена динамики даже в сталинские годы. В целом можно выделить следующие факторы, которые советские идеологи в качестве положительных отмечали у Достоевского: это его якобы революционное прошлое, гуманизм Достоевского и его горячее сочувствие к униженным и оскорбленным, и великое мастерство его как художника и знатока тайн человеческой души. Рассматривается также восприятие творчества Достоевского советским философом Э.В. Ильенковым. Ставится задача дальнейшего исследования этого вопроса и у других советских творческих марксистов или публицистов-шестидесятников – Г. Лукача, М.А. Лифшица, Ю.Ф. Карякина и других.

Ключевые слова: советская идеология, советская философия, Достоевский, Ленин, Сталин

Для цитирования: Пуцаев Ю.В. Советский Достоевский: Достоевский в советской культуре, идеологии и философии // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 4. С. 102–118.

Отношение Ф.М. Достоевского к социализму, эволюция его взглядов по этому вопросу служат и, наверно, всегда будут служить предметом для дискуссий, настолько многогранный и сложный характер они имеют.

С одной стороны, в истории русской мысли Достоевский является одним из самых глубоких критиков и обличителей радикальной революцион-

ности. «Бесы», «Преступление и наказание», «Сон смешного человека» представляют собой литературно-философские вершины в плане критики социалистической идеи. Однако, с другой стороны, Достоевский в молодости сам был симпатизантом социализма и фурьеризма, как член кружка Петрашевского чуть ли не подвергся смертной казни, отбыл 4 года на каторге, а потом еще несколько лет в армейской ссылке в Северном Казахстане. Представляется, что именно этими увлечениями молодости и связанными с этим жизненными превратностями обусловлено его глубокое, на уровне метафизики, проникновение в логику и психологию революционеров, поскольку он отчасти и на себе знал силу революционного соблазна (а соблазн всегда чем-то привлекает, потому что в него всегда в той или иной степени встроено и положительное содержание, пусть и в искаженном виде). И поскольку он знал этот предмет отчасти и *изнутри*, он не мог его видеть в одном цвете, монохромно. Недаром, например, он пишет в «Дневнике писателя», что и сам при определенных условиях мог стать нечаевцем. «Нечаевым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но нечаевцем, не ручаюсь, может, и мог бы... во дни моей юности». Также он пишет там, что «в моем романе “Бесы” я попытался изобразить те многообразные и разнообразные мотивы, по которым даже чистейшие сердцем и простодушнейшие люди могут быть привлечены к совершению такого же чудовищного злодейства. Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем!»¹.

Также присущая творчеству Достоевского критика крайностей социального и имущественного неравенства, бедственного положения бедняков при капитализме, когда с ними «делают что угодно», и его антибуржуазность в этом смысле предопределили то, что уже советская культура и официальная идеология не только резко критиковали или замалчивали и искажали его взгляды, но и принимали и положительно оценивали отдельные стороны его творчества даже в самые ортодоксальные сталинские времена. Вообще судьба творчества Достоевского в советское время, то, какой образ оно принимало и как этот образ эволюционировал в советской идеологии и философии, в том числе у видных представителей так называемого творческого марксизма, – отдельная, непростая и очень интересная, многогранная тема. Каким он был, «советский Достоевский»?

Таким образом, отметим предварительно два пункта, которые играли важную роль в отчасти положительной рецепции фигуры и творчества Достоевского в советской культуре: 1) его участие в кружке Петрашевского, арест и каторга, роль «старого революционера» (насколько молодой Достоевский и правда был революционером или хотя бы симпатизировал революционным настроениям, не миф ли подобные мнения, требует отдельного серьезного обсуждения); 2) сочувствие к обездоленным в его «неоцененных трудах для дальнейшего перевоспитания человечества».

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873 год // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 131.

Достоевский в советской школе и ленинском плане монументальной пропаганды

Тем не менее иногда встречаются суждения о якобы чуть ли не полностью запрещенном при Сталине Достоевском, о том, что его книги стали выходить только после его смерти и XX съезда, что в школах его стали преподавать только в 1960-е гг., и т.д. В доказательство этого ссылаются, например, на известное свидетельство югославского коммуниста Милована Джиласа, которому Сталин в 1948 г. якобы сказал о Достоевском: «Великий писатель – и великий реакционер. Мы его не печатаем, потому что он плохо влияет на молодежь. Но писатель великий»². Или, например, в своей мемуарной статье публицист и писатель Юрий Карякин по поводу своей статьи «Достоевский, Достоевщина и антикоммунизм», опубликованной в журнале «Проблемы мира и социализма» в 1963 г., говорит: «Весть об этой статье сразу разнеслась по Москве и Ленинграду, а потом докатилась и до провинции. Ведь статья эта, несмотря на то что в ней было много заградительных оговорок, стала своего рода “амнистией” Достоевского на родине, где он был в течение десятилетий советской власти “запрещенным” писателем»³.

Однако эти и подобные им свидетельства и суждения не слишком соответствуют реальным историческим фактам. Также, помимо прочего, контрафактические уверения в том, что Достоевского не издавали в сталинское время, сбивают оптику и мешают увидеть важные черты в творчестве этого писателя, благодаря которым он стал приемлемым автором в советской культуре, важной фигурой и для советской идеологии. Поэтому важно знать, что Достоевского издавали в СССР даже в 1930–1940-е гг. (его в этом смысле невозможно даже сравнивать с его идеологическим оппонентом К.Н. Леонтьевым), пусть и в меньших масштабах, и говорили о нем тогда официальные идеологи и авторы не только критически, но и комплиментарно, в положительных тонах.

И правда, после завершения разного рода педагогических экспериментов в советской школе Достоевский входит в литературную программу в середине 1930-х гг. В первом советском учебнике по литературе для 9-го года обучения 1935-го г. (авторы Г. Абрамович, Б. Брайнина и А. Еголин) глава о Достоевском занимала важное место между главами «Н.Г. Чернышевский» и «Л.Н. Толстой»⁴. Однако, потом на полтора десятилетия отдельная глава о Достоевском все же исчезает из школьной программы. Более или менее развернутое возвращение к нему в школьном учебнике по литературе произойдет лишь в 1956 г. в учебнике по литературе для 9-го класса (авторы А.А. Зерчанинов, Д.Я. Райхин, 15-е издание). В учебнике подробно пересказывается и анализируется включенное в школьную программу то же «Преступление и наказание»: «Сила реалистической трактовки социальных противоречий эпохи капитализма, глубина и тонкость психологического анализа в произведении делают “Преступление и наказание” одним из выдающихся явлений русской и мировой литературы»⁵. Как пишет в связи

² Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 2002. С. 179.

³ Карякин Ю.Ф. Перемена убеждений // Знамя. 2007. № 11. С. 7.

⁴ Абрамович Г., Брайнина Б., Еголин А. Русская литература. Учебник для 9-го класса и средней школы. М., 1935.

⁵ Зерчанинов А.А., Райхин Д.Я. Русская литература: Учебник для IX класса сред. школы. 15-е изд. М., 1956. С. 209.

с этим выводом Е.Р. Пономарев в главе «Достоевский и советская школа», «указание на “мировую литературу” не случайно: Достоевский теперь воспринимается как часть государственного престижа СССР/России»⁶.

Но даже в тех же учебниках для 9-го класса по литературе в 1950 и 1954 гг. тех же авторов персонально Достоевскому отводилось две страницы мелким шрифтом, где, в частности, по поводу «Преступления и наказания» отмечалось: «Несмотря на ложность, реакционность основной идеи, роман представляет собой замечательное явление в художественной литературе. Глубина психологического анализа и сила реалистической трактовки социальных противоречий эпохи капитализма делают роман одним из крупнейших произведений мировой литературы»⁷.

Что же касается издания книг Достоевского в СССР, то по данным на ноябрь 1981 г. (к столетию со дня смерти), его сочинения издавали 428 раз. Одни собрания его сочинений вышли 55 раз общим тиражом 6 млн 468 тыс. экземпляров. Суммарный тираж его изданий равнялся 34,5 млн книг⁸. Полное академическое собрание сочинений в 30 томах, изданное тиражом в 200 тыс. экземпляров в 1972–1990 гг., содержало в себе публицистические произведения писателя, письма, черновики, в которых в том числе глубоко и резко критиковалась революция и революционно-демократическая идеология.

Издавался Достоевский и в 1930–50-е гг., хотя и мало. В 1926–1930 гг. вышло его 13-томное собрание сочинений, тираж 10 000 экз.; в 1956–1958 гг. – 10-томное собрание сочинений, тираж 300 000 экз. Стоит отметить, что перерыв между двумя собраниями сочинений составил почти 30 лет. Тем не менее в 1931 г. вышли избранные произведения в 1 томе под общей редакцией А. Луначарского, тираж 10 000 экз.; в 1946 г. – избранные произведения в 1 томе, тираж 110 000 экз. В том числе минимум четырежды в советское время издавался роман «Бесы», правда, лишь в составе собраний сочинений (1927, 1957, 1974, 1982 гг.). Попытка выхода романа в издательстве «Academia» в 1935 г. отдельным изданием была остановлена на стадии сигнального экземпляра после фельетона в «Правде» литературного критика Д. Заславского с печально говорящим названием «Литературная гниль». Однако интересно, что за выход «Бесов» высказался сам Максим Горький в своей статье в «Литературной газете» № 5 (496) от 24 января 1935 г. Наибольшим тиражом в 200 000 экземпляров «Бесы» при советской власти впервые выйдут в 30-томном полном академическом собрании издания «Наука» в 1974 г.

Что же касается отдельных произведений, то, например, «Бедные люди» издавались в 1927 (15 тыс.), 1930 (30 тыс.), 1947 (250 тыс.), 1951 (15 тыс.), 1954 (250 тыс.), 1955 гг. (100 тыс.)⁹

⁶ Пономарев Е.Р. Достоевский и советская школа // Достоевский и XX век. Т. 1. М., 2007. С. 609.

⁷ Зерчанинов А.А., Райхин Д.Я. Стражев В.И. Русская литература: Учебник для IX класса сред. школы. 13-е изд. М., 1954. С. 276.

⁸ Данные приводятся отсюда: Мифы истории СССР. Запрещенный Достоевский. URL: http://wiki.istmat.info/%D0%BC%D0%B8%D1%84:%D0%BD%D0%B5_%D0%B8%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 15.09.2020).

⁹ Российская национальная библиотека. Генеральный алфавитный каталог книг на русском языке (1725–1998). URL: http://nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak (дата обращения: 15.09.2020).

Достоевскому одному из первых советская власть установила памятник-монумент. Это предусматривалось так называемым ленинским планом монументальной пропаганды (его замысел восходит к идее автора знаменитого «Города Солнце» Томмазо Кампанеллы). Уже 12 апреля 1918 г. Совет народных комиссаров принял декрет «О памятниках республики», а 30 июля 1918 г. был утвержден список исторических деятелей, монументы которым предполагалось установить. Всего в списке было 66 имен, и наряду с революционерами Спартаком, Бабефом, Маратом, Робеспьером, Марксом, Желябовым и Перовой и т.д. там были великие русские писатели: Пушкин, Лермонтов, Толстой и Достоевский (всего 20 имен). Скульптор Меркуров предложил Моссовету изготовленные еще до Первой мировой статуи Достоевского, Толстого, а заодно и «Мысль». Забавно, что для памятника Достоевскому в качестве натурщика позировал певец А.Н. Вертинский. В первую годовщину Октябрьской революции, 7 ноября 1918 г. памятник Достоевскому и скульптура «Мысль» были установлены и открыты в Москве на Цветном бульваре, образовав друг с другом своеобразную пару.

Памятник Достоевскому был в числе первых двенадцати памятников из всех, предусмотренных ленинским планом монументальной пропаганды, и одним из немногих сохранившихся до наших дней. В 1936 г. он был перенесен к зданию Мариинской больницы, в северном флигеле которой писатель родился и жил до шестнадцати лет.

Советские вожди и Достоевский

Широко известны слова Ленина из письма Инессе Арманд про «Архискверное подражание архискверному Достоевскому»¹⁰, сказанные по поводу художественного романа украинского социалиста и литератора Винниченко.

Известны также резко неприязненные отзывы Ленина о Достоевском в передаче Н.В. Валентинова, бывшего большевика, потом ставшего меньшевиком и разошедшегося с Лениным. Со слов Валентинова, оставившего о Ленине резкие нелицеприятные мемуары, Ленин относился к Достоевскому как к «морализирующей блевотине». «Достоевского [Ленин] сознательно игнорировал... “На эту дрянь у меня нет свободного времени”... Прочитав “Записки из Мертвого дома” и “Преступление и наказание”, он “Бесы” и “Братьев Карамазовых” читать не пожелал. “Содержание сих обоих пахучих произведений, – заявил он, – мне известно, для меня этого предостаточно... “Братьев Карамазовых” начал было читать и бросил: от сцен в монастыре стошнило... Что же касается “Бесов” – это явно реакционная гадость, подобная “Панургову стаду” Крестовского, терять на нее время у меня абсолютно никакой охоты нет. Перелистал книгу и швырнул в сторону. Такая литература мне не нужна, – что она мне может дать?»¹¹

Конечно, отношение Ленина к Достоевскому должно было быть преимущественно негативным. Для его личности и психологического склада, видимо, помимо неприемлемой для него антиреволюционности и религиозности Достоевского, были чужды установка великого писателя на тонкий психологический анализ, пристальное внимание к раздвоенности и темным

¹⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 48. М., 1970. С. 294–295.

¹¹ Валентинов Н.В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 85.

сторонам человеческой души. Однако не сгустил ли и Н.В. Валентинов краски (разумеется, не только в этом вопросе) как разочарованный бывший соратник и политический оппонент? Отношения в этом случае часто напоминают отношения разведенных супругов, которые склонны видеть в своих бывших половинах лишь черные стороны и свойства. Ведь если взять в Полном собрании сочинений Ленина упоминания о Достоевском, то мы там к некоторому удивлению найдем, помимо уже упомянутого «архискверного Достоевского» и еще одного негативного высказывания¹², также два вполне нейтральных упоминания произведений Достоевского, причем одно из них – это ссылка на «Дневник писателя»¹³, а другая – на «Братьев Карамазовых»¹⁴, которых, если верить цитированию Валентинова, Ленин вообще не читал. Также Ленин как минимум дважды использует в своих сочинениях в положительном контексте выражение «униженные и оскорбленные»¹⁵, которое своим происхождением обязано роману Ф.М. Достоевского, и Ленин не мог этого не знать.

Поэтому, по нашему убеждению, следует все же оставить вопрос открытым, было ли отношение Ленина к Достоевскому тотально негативистским и бескомпромиссным, как это описано у Валентинова (к тому же Валентинов воспроизводил разговоры более чем сорок лет спустя). Ведь есть также и другие свидетельства, согласно которым отношение Ленина к Достоевскому было более сложным, не столь одноцветным:

Не забывайте, что Достоевский был приговорен к смертной казни. Над ним был произведен варварский обряд разжалования, а после объявлено, что Николай I «помиловал» его, сослав на каторжные работы...

Его «Записки из мертвого дома», отмечал Владимир Ильич, являются непревзойденным произведением русской и мировой художественной литературы, так замечательно отобразившим не только каторгу, но и «мертвый дом», в котором жил русский народ при царях из дома Романовых...

Беспощадно осуждал Владимир Ильич реакционные тенденции творчества Достоевского. Вместе с тем Владимир Ильич не раз говорил, что Достоевский действительно гениальный писатель, рассматривавший больные стороны современного ему общества, что у него много противоречий, изломов, но одновременно – и живые картины действительности¹⁶.

Конечно, к роману «Бесы» Ленин не мог не относиться резко отрицательно. Вместе с тем, как свидетельствует тот же Бонч-Бруевич, Ленин также говорил, что в романе отражены события, «связанные с деятельностью не только С. Нечаева, но и М. Бакунина». И он считал делом уже критиков разобраться, что в романе относится к Нечаеву, а что к Бакунину.

Еще более интересно и значимо, что Достоевского внимательно читал второй главный советский вождь – И.В. Сталин. Правда, более закрытый и таинственный, чем Ленин, он вообще не оставил о Достоевском каких-либо письменных или даже публичных высказываний за исключением нескольких мемуарных свидетельств. Например, по воспоминаниям дочери

¹² Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 48. С. 226.

¹³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 29. М., 1969. С. 616.

¹⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 25. М., 1969. С. 45.

¹⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 8. М., 1967. С. 315; Т. 20. М., 1973. С. 221.

¹⁶ Бонч-Бруевич В.Д. Ленин о книгах и писателях (из воспоминаний) // Литературная газета. 1955. № 48 (3393). 21 апреля. С. 2.

Сталина Светланы Аллилуевой, тот однажды сказал ей, что Достоевский был «великий психолог». Вот что она пишет в одной из своих книг:

Отец не любил поэтического и глубоко психологического искусства. Я никогда не видела, чтобы он читал стихи, – ничего, кроме поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре», о переводах которой он считал себя вправе судить. Не видела на его столе Толстого или Тургенева. Но о Достоевском он сказал мне как то, что это был «великий психолог». К сожалению, я не спросила, что именно он имел в виду – глубокий социальный психологизм «Бесов» или анализ поведения в «Преступлении и наказании»? Наверное, он находил в Достоевском что-то глубоко личное для себя самого, но не хотел говорить и объяснять, что именно. Официально в то время Достоевский считался писателем абсолютно «реакционным»¹⁷.

О личном равнодушном и заинтересованном отношении Сталина к творчеству Достоевского мы также можем судить на основании его кратких пометок и замечаний на полях романов великого писателя. Стоит кстати отметить, что вопреки также устоявшимся мифам, Сталин был очень начитанным человеком, постоянно занимавшимся самообразованием. Его личная библиотека насчитывала более 20 000 томов по самым разным отраслям знания и культуры, от философии и литературы до военного дела и сельского хозяйства, и большинство книг были с пометками их владельца на полях¹⁸.

Исходя из того, что книги Достоевского Сталина действительно интересовали, что он находил в них что-то важное для себя лично, мы можем судить о большой психологической личностной разнице между им и Лениным. Последний, например, никогда не стал бы убивать товарищей по партии и приписывать им заведомо невозможные предательские деяния. Ленин верил и хотел верить, что это никогда не понадобится, ему просто были не нужны и чужды разные психологические сложности и изломы.

На экземпляре «Братьев Карамазовых» из личной библиотеки Сталина нашли более 40 его пометок – подчеркиваний и кратких надписей на полях¹⁹. Судя по всему, именно этот роман (а не «Бесы» и не «Преступление и наказание») вызывал у Сталина наибольший интерес. Еще более удивительно то, что большинство сталинских помет связано не с легендой о Великом инквизиторе и не со спорами Ивана Карамазова, а с образом старца Зосимы. Очень интересно, что он подчеркивает в книге слова старца Зосимы о деятельной любви как деле страшном и жестоком, требующем работы и выдержки, в отличие от любви мечтательной, которая «жаждет подвига скорого, быстро удовлетворимого и чтобы все на него глядели»²⁰. Не толковал ли Сталин смысл и своей деятельности как проявления подобной любви – «дела страшного и жестокого»?

Не менее примечательно то, что Сталин подчеркиванием реагирует и на следующее замечание старца Зосимы, когда тот, понаблюдав за шутовством Карамазова-отца, который пытался вывести из себя окружающих, вдруг говорит: «Не стесняйтесь, будьте совершенно как дома. А главное, не стыдитесь столь самого себя, ибо от сего лишь все и выходит»²¹. Карама-

¹⁷ Аллилуева С.И. Один год дочери Сталина. М., 2014. С. 137.

¹⁸ Хейфец М. Неизвестный Сталин. URL: <http://berkovich-zametki.com/Nomer49/Hejfec1.htm> (дата обращения: 15.09.2020). См. там главу «Сталин в роли читателя книг».

¹⁹ Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. М., 2002. С. 411–452.

²⁰ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 54.

²¹ Там же. С. 40.

зов, потрясенный его прозорливостью, отвечает, что он действительно испытывает подобные чувства.

«Главное, самому себе не лгите», – говорит чуть позже Зосима старшему Карамазову. Сталин специально отмечает и эти слова, причем дальше в романе сказано: «Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, стало быть входит в неуважение и к себе, и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви, занять себя и развлечь, предается страстям и грубым сладостям, и доходит совсем до скотства в пороках своих, а все от непрерывной лжи и людям и себе самому. Лгущий себе самому прежде всех и обидеться может»²². Можно предположить, что для Сталина острой была проблема правды, отделения лести, в том числе внутренней, от того, что есть на самом деле.

Сталин подчеркивает и следующую фразу Зосимы: «Все праведные, все святые, все святые мученики были все счастливы»²³. Считал ли он сам себя счастливым или нет?

Также, судя по всему, с повышенным вниманием Сталин читал главу романа «Неуместное собрание», в которой происходит спор о взаимоотношениях церкви и государства. Участниками спора, с одной стороны, стали монахи, а с другой – Иван Карамазов и либеральный помещик Миусов. Сталин, в частности, специально выделяет слова Паисия: «Не церковь обращается к государству, поймите Вы это. То Рим и мечта и его... А напротив, государство обращается в церковь, исходит от церкви и становится церковью на всей земле... От Востока звезда сия воссияет»²⁴.

Конечно, вопрос, почему Сталин подчеркнул именно эти слова и видел ли он в реалиях строящегося им государства некий отзвук данных задушевных идей Достоевского, дает большой простор для предположений и даже спекуляций и остается открытым.

Поворот к Достоевскому в годы войны

Важно знать, что в годы войны в русле квазиконсервативного сталинского разворота к русским национально-культурным традициям отношение к Достоевскому со стороны официальных идеологов также стало значительно мягче. В нем стали замечать больше положительных моментов, подчеркивать, что он был великий русский писатель. Характерный пример подобного рода – статья одного из сталинских идеологов Ем. Ярославского «Достоевский против немцев» в журнале «Большевик» в 1942 г.²⁵

Статья главного официального безбожника СССР о русском религиозном писателе и мыслителе в военном номере ведущего теоретического органа ЦК ВКП(б) в разгар Сталинградской битвы производит необычное впечатление, потому что находится среди статей, посвященных исключительно разным аспектам идущей тогда ожесточеннейшей войны с гитлеровской Германией. До Достоевского ли тогда было? Впрочем, и в этой статье был

²² *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. С. 41.

²³ Там же. С. 51.

²⁴ Там же. С. 62.

²⁵ *Ярославский Е.М.* Федор Михайлович Достоевский против немцев // *Большевик*. 1942. № 16. С. 38–45.

актуальный посыл, продиктованный войной, – отстоять Достоевского от истолкования его в угодном фашистской идеологии духе:

Его отказ от идеалов его молодости встречен был резко критически передовой частью русского общества, всегда признававшей за Достоевским большое и своеобразное литературное дарование. Но Достоевский был и остается, со всеми его недостатками, глубоко русским писателем, который любил свой народ. Напрасно пытаются теперь фашисты использовать его для своих человеконенавистнических, гнусных целей²⁶.

Один из посылов статьи Ярославского – защитить Достоевского от звания антисемита:

Подлые гитлеровцы извлекли из произведений гениального, но больного писателя – Ф. Достоевского – его случайное высказывание о евреях. Гитлеровцы пытаются представить его антисемитом. И при жизни Достоевского ему бросали этот упрек, на который Достоевский отвечал...

Дальше Емельян Ярославский-Губельман побивает гитлеровцев цитатами из самого Достоевского и заключает:

Читатель видит, что уж не так трудно разоблачить гнусные попытки гитлеровцев «взять себе за компанию» Ф.М. Достоевского в их человеконенавистнической, подлой, противонародной пропаганде, в их попытках натравить одну нацию на другую. Для того чтобы каждую в особенности ослабить и уничтожить поодиночке²⁷.

В целом резюме статьи следующее:

Достоевский любил русский народ, о счастье которого он по-своему мечтал, хотя и шел к этому счастью неверными путями, хотя голос его нередко фальшивил. Ничего общего не имеет этот русский писатель с гнусными палачами из гитлеровской банды²⁸.

Тем не менее во второй половине 1940-х гг., с началом борьбы с космополитизмом и идеологического ужесточения, официальная оценка творчества Достоевского становится более отрицательной и строгой. Вот как знаменитый «и примкнувший к ним» Дмитрий Шепилов (зав. отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в конце 1940-х, потом главный редактор газеты «Правда» и даже министр иностранных дел, участник «антипартийной группы Молотова – Маленкова – Кагановича») передает полученную им через А.А. Жданова от Сталина официальную послевоенную оценку-установку творчества Достоевского. Это интереснейший фрагмент воспоминаний Шепилова, стоит привести его целиком:

...Жданов говорил примерно следующее:

«Вчера товарищ Сталин обратил внимание на то, что в выходящей новой литературе очень однобоко, а часто и неправильно, трактуется вопрос о творчестве и социологических взглядах Федора Достоевского. Достоевский изображается только как выдающийся русский писатель, непревзойденный психолог, мастер языка и художественного образа. Он действительно был таким. Но сказать только это – значит подать Достоевского очень однобоко и дезориентировать читателя, особенно молодежь (курсив мой. – Ю.П.).

²⁶ Ярославский Е.М. Федор Михайлович Достоевский против немцев. С. 39.

²⁷ Там же. С. 40.

²⁸ Там же. С. 43.

Ну, а общественно-политическая сторона творчества Достоевского? Ведь он написал не только “Записки из мертвого дома” или “Бедные люди”. А его “Двойник”? А знаменитые “Бесы”? Ведь “Бесы” и написаны были для того, чтобы очернить революцию, злобно и грязно изобразить людей революции преступниками, насильниками, убийцами; поднять на щит людей раздвоенных, предателей, провокаторов.

По Достоевскому, в каждом человеке сидит “бесовское”, “содомское” начало. И если человек – материалист, если он не верит в Бога, если он (о ужас) социалист, то бесовское начало в нем берет верх, и он становится преступником. *Какая гнусная и подлая философия* (курсив мой. – Ю.П.). Да и Раскольников – убийца – является порождением философии Достоевского. Ведь “Бесы” только по своей грязно-клеветнической форме оттачивали либералов. А философия в “Преступлении и наказании” по существу не лучше философии “Бесов”.

Горький не зря называл Достоевского “злым гением” русского народа. Правда, в лучших своих произведениях Достоевский с потрясающей силой показал участь униженных и оскорбленных, звериные нравы власть имущих. Но для чего? Для того, чтобы призвать униженных и оскорбленных к борьбе со злом, с насилием, тиранией? Нет, ничуть не бывало. Достоевский призывает к отказу от борьбы, к смирению, к покорности, к христианским добродетелям. Только это, по Достоевскому, и спасает Россию от катастрофы, которой он считал социализм.

А наши литераторы кропят творчество Достоевского розовой водицей и изображают его чуть ли не социалистом, который только и ждал Октябрьской революции. Но это же прямая фальсификация фактов. Разве не известно, что Достоевский всю жизнь каялся в своих “заблуждениях молодости” и замаливал своих грехи – участие в кружке Петрашевского? Чем замаливал? – поклонами на революцию, рьяной защитой монархии, церкви, всяческого мракобесия.

Товарищ Сталин сказал, что *мы, конечно, не собираемся отказываться от Достоевского. Мы широко издавали и будем издавать его сочинения. Но наши литераторы, наша критика должны помочь читателям, особенно молодежи, правильно представлять себе, что такое Достоевский* (курсив мой. – Ю.П.)»²⁹.

Таким образом, мы видим, во-первых, что личное отношение Сталина к творчеству Достоевского заметно отличалось от официального, но каким именно оно было и что в нем особенно привлекало его внимание, мы можем строить лишь предположения разной степени обоснованности. И, во-вторых, официальная идеологическая позиция в отношении Достоевского была достаточно динамичной даже в сталинские годы. Но и в пору наиболее сурового отношения к великому писателю речь о запрете произведений Достоевского никогда не шла.

В целом можно выделить следующие факторы, которые советские идеологи в качестве положительных отмечали у Достоевского: 1) его якобы революционное прошлое; 2) гуманизм Достоевского и его горячее сочувствие к униженным и оскорбленным 3) великое мастерство его как художника и знатока тайн человеческой души.

До этого мы говорили в основном о восприятии Достоевского в советской идеологии. Между тем восприятие и рецепция творчества Достоевского в оригинальной советской философии было более тонким, интеллектуально глубоким и дифференцированным. К этой обширной теме мы сейчас и переходим.

²⁹ Шенюв Д.Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 93–94.

Творческие советские философы о Достоевском: «Достоевский как тоже зеркало русской революции»

Творчество Достоевского явилось важным предметом осмысления у целого ряда представителей так называемого творческого советского марксизма, философов и публицистов: это, в частности, Э.В. Ильенков, М.А. Лифшиц, Г. Лукач и др. Достоевский был важной фигурой для публициста-шестидесятника и литературоведа Ю.Ф. Карякина, который свои работы о Достоевском понимал как способ борьбы со сталинизмом (такой акцентированно идеологический способ прочтения Достоевского неизбежно приводил к сильному упрощению и снижению уровня анализа).

Был, конечно, и не совсем советский Достоевский: в советское время вышли очень яркие работы, не вписывающиеся в тогдашние господствовавшие идеологические каноны, или, точнее, стоявшие скорее вне их. Я имею в виду, конечно, М.М. Бахтина с его знаменитыми «Проблемами поэтики Достоевского» и Я.Э. Голосовкера с его работой «Достоевский и Кант». Анализ этого круга авторов в рамках нашей темы – отдельная важная задача.

Интересно и, очень вероятно, о многом говорит то, что наиболее талантливые и самостоятельно думающие творческие философы-марксисты (Лукач, Ильенков, Лифшиц) начинали писать работы о Достоевском, но преимущественно так их и не закончили, оставив за редкими исключениями лишь наброски к намечавшимся статьям и книгам. Так, Ильенков начал писать статью о Достоевском, но так и не закончил ее. Лукач еще до революции, в 1914–1915 гг., будучи атеистом, но еще не коммунистом, тоже пытался писать книгу о Достоевском, но она также осталась в рукописных набросках. М.А. Лифшиц в 1960-е гг. задумывает книгу о Достоевском, но она остается незаконченной, преимущественно лишь в разрозненных замечаниях и слишком кратких, порой очень трудных для истолкования и понимания высказываниях.

Почему Достоевский в каком-то смысле не давался ищущей марксистской мысли? Можно предположить, она так и не смогла найти убедительные до конца даже для нее самой аргументы, опровергающие кричащие нравственные парадоксы и мысли Достоевского, имевшие полемически заостренную антиреволюционную направленность. Достоевский показывал оборотную, темную сторону революционности, революционного радикализма и нигилизма. Ее, представленную Достоевским, пытались в советской философии как-то объяснить, «отобъяснить» (explain away), списать на мелкобуржуазный радикализм и казарменный коммунизм, на незрелость общественных условий России второй половины XIX в. и т.д., но законченного убедительного ответа не получалось. Этот революционный прыжок, парадокс или квазипарадокс – антигуманная политика во имя гуманизма – оправдать при всех стараниях не получалось, и он продолжал тревожить совесть философов революции.

Рассмотрим здесь, как суть философско-литературного и идеологического творчества Достоевского понимал Э.В. Ильенков. Вот фрагмент из его пока так и не опубликованных материалов к статье о Достоевском, обнаруженный А.Г. Новохатько:

...Когда Ленин говорил, что «Россия выстрадала марксизм», то Достоевский – одна из фракций этого спектра страданий («ад интеллектуальный»). Вообще весь Достоевский – это трагедия незрелой формы социализма.

Да, социализма, преломленного через судьбу и психику мелкой буржуазии, – слоя, составившего в 1917 году 90% революционной массы, а в 1860–70-х гг. – 100%.

Достоевский тоже зеркало русской революции – и именно со стороны ее трагичности, связанной с участием тех сил, которые, вообще-то говоря, в социализм были втянуты помимо своей воли.

«Страдания» – без них ничего нельзя выстрадать. Но очень легко само страдание превращается в культ: “Этика горячего сердца”. Конечно же, это нелегкое дело вспоминать о высших принципах гуманизма в момент штыковой атаки.

Достоевский поэтому жив до тех пор, пока социализм будет связан с насильем, с кровью, со страданием³⁰.

Из этого интереснейшего фрагмента выходит, во-первых, что Ильенков отчасти оправдывает критику революции у Достоевского, раз он говорит, что тот был тоже зеркалом русской революции. Социализм, говорит Ильенков, в годы Достоевского преломлялся через судьбу и психику мелкой буржуазии, которая в 1860–70-е гг. вообще составляла, как он говорит, 100% «революционной массы». Возможно, что это было одной из причин, почему ильенковская статья не была закончена – она могла и не пройти цензуру. Ведь получается, что Достоевский был отчасти прав в критике тогдашних революционеров! И поэтому он вечно должен оставаться участником диалога, разговора, пока «социализм будет связан с насильем, с кровью, со страданием».

Во-вторых, мы видим, что и для Ильенкова имеют значение те нравственные ценности, которые отстаивал и Достоевский, раз он провозглашает их «высшими принципами гуманизма» и говорит о трудной задаче помнить их и во время штыковой атаки. Однако, видимо, такую память о них, если она начинает мешать идти в атаку, он считал уже напрасным культом, идущим от чувства, а не от разума.

Надо учитывать, что Ильенков не считал нужным отказываться от самого понятия нравственности, отделяя его от морали вслед за Гегелем³¹. Достигнуть истинно нравственного состояния человечества, сделать человека действительно нравственным – это и есть для него задача и цель, предназначение коммунизма. То, что для него «подлинные требования нравственности», «действительно высокая нравственность», «подлинно нравственный облик человека» имели силу императива, можно прочесть в его книге «Об идолах и идеалах», в последней главе «И, наконец, мораль». Однако нравственность отдельно взятого человека по гегельянцу и марксисту

³⁰ Новохатько А.Г. Об Э.В. Ильенкове // Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997. С. 6–7.

³¹ «В этом смысле и надо понимать Ленина, когда он поддерживает тезис, звучащий для ушей обывателя странно, что в “марксизме... нет ни грана этики”. Тот, кто старается толковать этот тезис в том смысле, будто Ленин вообще против этики, против нравственности или морали, ровно ничего не понимает ни в этике, ни в ленинизме. Тезис Ленина значит одно: марксизм, как научное понимание истории и законов человеческой жизнедеятельности, не может опираться в своих планах и программах на абстрактно-общие моральные критерии, не может возлагать на мораль задачу, которую она все равно решить не в состоянии, задачу создать подлинно человеческую, коммунистическую нравственность. Ленин говорит вслед за Марксом: если вы всерьез хотите создать высокую нравственность, о которой тысячи лет бесплодно мечтали самые лучшие, самые добрые и благородные умы человечества, то позаботьтесь о том, чтобы “сделать обстоятельства человеческими”» (Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. Киев, 2006. С. 273–274).

Ильенкову зависит от общественных условий, общественного целого. Хотите сделать человека человеческим – сначала сделайте человеческими обстоятельства. А сделать их таковыми, по марксизму, может лишь общественная революция, которая невозможна без насилия.

Правда, он одновременно говорит о том, что еще только предстоит «создать подлинно человеческую, коммунистическую нравственность». С коммунистической точки зрения все имеющиеся исторические варианты нравственности еще своего рода недонравственность, и неслучайно тут разделение морали и нравственности. Однако какие деформации при этом революционном подходе несет нравственность – тема столь обширная и столь часто дискутировавшаяся, что в данном случае оставим ее за рамками данной статьи.

Зададим другой вопрос: что именно, по Ильенкову, отражал Достоевский? Что, собственно, он имел в виду, назвав его вслед за Толстым зеркалом русской революции? То, что революция в принципе невозможна без насилия, крови и страданий и Достоевский ярко это выразил? Или то, что Достоевский отразил, что через необходимость этих крови и страданий не может перешагнуть психология и душа мелкого буржуа, помимо своей воли втянутого в социализм и лишено пролетарской твердости, из-за чего он и впадает в «культ горячего сердца»? Или, напротив, что мелкий буржуа своей мелкобуржуазностью и псевдореволюционным радикализмом чрезмерно увеличивает эту долю страданий и крови? К сожалению, опубликованный ильенковский фрагмент из его набросков к статье о Достоевском слишком мал, чтобы мы могли ответить на эти вопросы и выбрать предпочтительный вариант.

Достоевский, Ильенков и Леонтьев

Насколько автору данной статьи известно, в опубликованных работах Ильенков лишь однажды упоминает Достоевского, а именно, в статье «Идеал», написанной для Философской энциклопедии. Несмотря на краткость этого упоминания, его смысл и контекст весьма показательны. Идеал, говорит Ильенков, есть представление об итоговом совершенстве человеческого рода. Ильенков пишет, что «согласно Канту, идеал как состояние достигнутого совершенства человеческого рода, представляемое нами уже сегодня, характеризуется полным преодолением всех противоречий между индивидом и обществом, т.е. между индивидами, составляющими общество (род)»³². Одновременно Ильенков с гегельянско-марксистских позиций резко критикует концепцию нравственного самоусовершенствования личности, с его слов выработанную в немецкой классической философии Кантом и Фихте, поскольку тогда идеал, если его понимать как личное нравственное совершенствование, делается принципиально недостижим, словно линия горизонта. И Ильенков пишет, широко объединяя под одной рубрикой самых разных мыслителей вплоть до Толстого и Достоевского:

Впоследствии эта идея «нравственного самоусовершенствования» как единственного пути человечества к идеальному состоянию вошла в арсенал всех антиреволюционных концепций (например, религиозно-этического учения Л. Толстого, Ф. Достоевского, Ганди и далее – вплоть до учений

³² Ильенков Э.В. Идеал // Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 204.

современных правых социалистов). Этот идеал направлен одним острием против всякой формы «неравенства» человека человеку, другим – против революционного пути упразднения этого неравенства. Революция, как акт насилия, с точки зрения этого идеала выглядит так же, как «безнравственно-кровавый» акт; с точки зрения нравственного императива он ничуть не лучше того состояния, против которого он направлен.

Гегель, глубоко понявший бессилие этого «прекраснодушного» идеала, сравнил последователей идеи нравственного самоусовершенствования с благороднейшим человеком, который боится обнажить меч в борьбе против порока, опасаясь, что он может быть «испачкан» кровью врага. В итоге меч остается, правда, чистым, но только потому, что он никому не грозит...³³

Далее в своей статье Ильенков подчеркивает, что логический фундамент этой концепции – теория чистого разума, главный постулат которой – запрет на противоречие. Но Гегель, говорит Ильенков, чтобы показать достижимость общественного идеала, «разрушает оба постулата кантовской философии (запрет противоречия и категорический императив) с позиции историзма». Противоречие, по Гегелю и Ильенкову, и есть подлинная действительность, ее суть, а его отсутствие – лишь иллюзия разума, а никакой не идеал:

История показывает, что вовсе не запрет противоречия и не категорический императив были тем идеалом, к которому изначально стремилась история человечества. Напротив, движущей силой развития духа в теории всегда было противоречие. Стало быть, не запрет, а наличие противоречия является формой и законом реального развивающегося духа (мышления). <...> идеал знания и нравственности, который выдвигает Гегель против Канта, – это не застывшая мертвая «вещь», а «суть дела» – категория, диалектически противоречивая природа духа³⁴.

Конечно, Ильенков тут судит слишком широкими мазками (может быть, в силу специфики жанра энциклопедической статьи), объединяя под одной рубрикой Канта, Фихте, Толстого, Ганди и Достоевского. Тем не менее, почему мы решили подробно пересказать данную аргументацию Ильенкова? Потому что если сфокусироваться в этом контексте и фрагменте собственно на Достоевском, то с некоторым удивлением можно вспомнить и увидеть, что критика Ильенкова определенными мотивами и аргументами схожа со знаменитой полемикой К.Н. Леонтьева в адрес Достоевского по поводу «розового христианства», имевшей место за 80 лет до этой статьи Ильенкова.

Во-первых, «пламенный реакционер» Леонтьев и не менее пламенный философ-коммунист Ильенков сошлись в критике идеала нравственного самоусовершенствования как нереалистического и утопического. Леонтьев в статье «О всемирной любви», в частности, говорит:

Демократический и либеральный прогресс верит больше в принудительную и постепенную исправимость всецелого человечества, чем в нравственную силу лица. Мыслители или моралисты, подобные автору «Карамазовых», надеются, по-видимому, больше на сердце человеческое, чем на переустройство обществ. Христианство же не верит безусловно ни в то, ни в другое – то есть ни в лучшую автономическую мораль лица, ни в разум собирательного человечества, долженствующий рано или поздно создать рай на земле³⁵.

³³ Ильенков Э.В. Идеал. С. 206.

³⁴ Там же. С. 207–208.

³⁵ Леонтьев К.Н. О «всемирной любви» // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений. Т. 9. СПб., 2000. С. 199.

Конечно, между ними в этом контексте есть и принципиальнейшие различия, особенно что касается природы исповедуемых им идеалов. Для Леонтьева такими идеалами были Господь Иисус Христос, Царствие Небесное и Православная Церковь, которая одной своей «стороной» является и земным, социальным институтом. Ильенков же, тоже отрицая автономическую мораль лица как бессильную, все же верил, если говорить леонтьевскими словами, «в разум собирательного человечества, долженствующий рано или поздно создать рай на земле». Для него как материалиста и коммуниста по мировоззрению таким земным раем или трансцендентно-имманентным идеалом был коммунизм, создаваемый совпадением как сознательных действий рабочего класса, так и «назревшей в общественном организме массовой потребностью», «реальным движением» как «давлением реальных же, и прежде всего экономических противоречий».

Тем не менее пусть каждый по-своему, но оба они в своей критике Достоевского настаивают на том, что противоречия неотделимы от земной действительности. У Леонтьева в противоречивой гармонии и борьбе противоположных сил и начал и состоит поэзия и поэтика земной жизни. У Ильенкова в противоречии состоит вся «суть дела», суть действительности. Правда, нерешенной до конца в коммунистической философии марксизма была проблема наличия противоречий при коммунизме. Будут ли они и тогда? Если нет, если коммунистическое общество будет лишено антагонистических противоречий, как оно будет развиваться? Царство мировой гармонии, которое в христианстве выносятся в радикально иную, трансцендентную область Царствия Небесного, в марксистской историософии понимается как пусть достигаемая скачком, но имманентная действительность. Но будут ли и там действовать диалектические законы, главный из которых – закон противоречия? Что на этот вопрос мог бы ответить Ильенков?

И во многом именно вокруг имманентизма, присущего и Достоевскому с его учением об окончательной мировой земной гармонии, которую якобы призван дать миру русский народ, в значительнейшей степени заключен тот интерес, который испытывал к творчеству Достоевского молодой венгерский философ Георг Лукач, пока не перешедший на коммунистические позиции, но уже находившийся на пути к ним. В том числе и примерно те убеждения, которые с ортодоксально-христианских позиций критиковал у Достоевского К.Н. Леонтьев – вера в земную всемирную гармонию и всемирное братство, – были интересны молодому Лукачу. Обдумывание им разных сторон и разных идей из творчества Достоевского явилось важной вехой на этом его пути к большевизму и коммунизму, к тому, чтобы стать в XX в. одним из главных коммунистических философов. Но это уже тема следующей статьи.

Список литературы

- Абрамович Г., Брайнина Б., Еголин А.* Русская литература. Учебник для 9-го класса и средней школы. М.: Учпедгиз, 1935. 200 с.
- Аллилуева С.И.* Один год дочери Сталина. М.: Алгоритм, 2014. 326 с.
- Бонч-Бруевич В.Д.* Ленин о книгах и писателях (из воспоминаний) // Литературная газета. 1955. № 48 (3393). 21 апреля. С. 2.
- Валентинов Н.В.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 370 с.
- Джилас М.* Беседы со Сталиным. М.: Центрполиграф, 2002. 222 с.
- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

- Зерчанинов А.А., Райхин Д.Я. Русская литература: Учебник для IX класса сред. школы. 15-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 344 с.
- Зерчанинов А.А., Райхин Д.Я., Стражев В.И. Русская литература: Учебник для IX класса сред. школы. 13-е изд. М.: Учпедгиз, 1954. 432 с.
- Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. М.: Вече, 2002. 496 с.
- Ильенков Э.В. Идеал // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 204–212.
- Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. Киев: Час-Крок, 2006. 312 с.
- Карякин Ю.Ф. Перемена убеждений // Знамя. 2007. № 11. С. 4–55.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1967–1975.
- Леонтьев К.Н. О «всемирной любви» // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений. Т. 9. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 186–225.
- Новохатько А.Г. Об Э.В. Ильенкове // Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. С. 3–15.
- Пономарев Е.Р. Достоевский и советская школа // Достоевский и XX век / Под ред. Т.А. Касаткиной. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 612–624.
- Хейфец М. Неизвестный Сталин. URL: <http://berkovich-zametki.com/Nomer49/Hejfec1.htm> (дата обращения: 15.09.2020).
- Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М.: Вагриус, 2001. 400 с.
- Ярославский Е.М. Федор Михайлович Достоевский против немцев // Большевик. 1942. № 16. С. 38–45.

Soviet Dostoevsky: Dostoevsky in Soviet culture, ideology, and philosophy

Yuriy V. Puschaev

Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: puschaev@mail.ru

The article aims to analyze how Dostoevsky's works were perceived and presented in the Soviet ideology and philosophy. Contrary to some commonly held views, it is shown that despite the restrictions, there was never any talk of a complete ban or non-publication of Dostoevsky's works in the Soviet times including the Stalinist years. Individual works of Dostoevsky as well as collections of his works were actively published in those years. The author explores the presence of Dostoevsky in the school literature program as well as the perception of Dostoevsky's legacy by the Soviet leaders – V. Lenin and J. Stalin. It is concluded that the official ideological position in relation to Dostoevsky was never devoid of dynamics even in the Stalinist years. Among the factors that Soviet ideologists noted as positive in Dostoevsky, the author identifies the following three: Dostoevsky's allegedly revolutionary past, his humanism and fervent sympathy for the humiliated and offended, and his great skill of an artist and expert in the secrets of the human soul. The author also discusses the perception of Dostoevsky's work by the Soviet philosopher E.V. Ilyenkov. The author sets the task of further research into the perception of Dostoevsky in the legacy of other creative Soviet Marxists and / or publicists of the sixties – G. Lukach, M.A. Lifshits, Yu. F. Karyakin, etc.

Keywords: Soviet ideology, Soviet philosophy, Dostoevsky, Lenin, Stalin, Ilyenkov

For citation: Puschaev, Y.V. "Sovetskii Dostoevskii: Dostoevskii v sovetskoi kul'ture, ideologii i filosofii" [Soviet Dostoevsky: Dostoevsky in Soviet culture, ideology, and philosophy], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 4, pp. 102–118. (In Russian)

References

- Abramovich, G., Brajnina, B. & Egolin, A. *Russkaya literatura. Uchebnik dlya 9 klassa i srednej shkoly* [Russian literature. Textbook for the 9th grade of secondary school]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1935. 200 pp. (In Russian)
- Allilueva, S.I. *Odin god docheri Stalina* [One year of Stalin's daughter]. Moscow: Algoritm Publ., 2014. 326 pp. (In Russian)
- Bonch-Bruevich, V.D. "Lenin o knigah i pisatelyah (iz vospominanij)" [Lenin on books and writers (from memoirs)], *Literaturnaya gazeta*, 1955, No. 48(3393), 21 April, p. 2. (In Russian)
- Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works], 30 Vols. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990. (In Russian)
- Dzhilas, M. *Besedy so Stalinym* [Conversations with Stalin]. Moscow: Centrpoligraf publ. 2002. 222 pp. (In Russian)
- Hejfec, M. *Neizvestnyj Stalin* [The Unknown Stalin]. [<http://berkovich-zametki.com/Nomer49/Hejfec1.htm>, accessed on 15.09.2020] (In Russian)
- Ilenkov, E.V. "Ideal", in: E.V. Ilenkov, *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. Moscow: Politizdat Publ., 1991, pp. 204–212. (In Russian)
- Ilenkov, E.V. *Ob idolah i idealah* [About idols and ideals]. Kiev: CHas-Krok Publ., 2006. 312 pp. (In Russian)
- Iizarov, B.S. *Tajnaya zhizn' Stalina* [The secret life of Stalin]. Moscow: Veche Publ., 2002. 496 pp. (In Russian)
- Karyakin, Yu.F. "Peremena ubezhdenij" [Change of beliefs], *Znanya*, 2007, No. 11, pp. 4–55. (In Russian)
- Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works], 55 Vols, 5th ed. Moscow: Politizdat Publ., 1967–1975. (In Russian)
- Leontev, K.N. "O 'vsemirnoj lyubvi'" [About 'the world of love'], in: K.N. Leontev, *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works], Vol. 9. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2000, pp. 186–225. (In Russian)
- Novohatko, A.G. "Ob E.V. Ilenkove" [About E.V. Ilenkov], in: E.V. Ilenkov, *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii* [Dialectics of the abstract and concrete in scientific and theoretical thinking]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1997, pp. 3–15. (In Russian)
- Ponomarev, E.R. "Dostoevskii i sovetskaya shkola" [Dostoevsky and the Soviet School], *Dostoevskii i XX vek* [Dostoevsky and the XX century], ed. by T.A. Kasatkina, Vol. 1. Moscow: IMLI RAN Publ., 2007, pp. 612–624. (In Russian)
- Shepilov, D.T. *Neprimknuvshij* [Refrain from taking sides]. Moscow: Vagrius Publ., 2001. 400 pp. (In Russian)
- Valentinov, N.V. *Vstrechi s Leninym* [The meetings with Lenin]. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1953. 370 pp. (In Russian)
- Yaroslavskii, E.M. "Fedor Mihajlovich Dostoevskij protiv nemcev" [Fyodor Mikhailovich Dostoevsky against the Germans], *Bolshevik*, 1942, No. 16, pp. 38–45. (In Russian)
- Zerchaninov, A.A. & Rajhin, D.Ya. *Russkaya literatura: Uchebnik dlya IX klassa sred. shkoly* [Russian literature. Textbook for the 9th grade of secondary school], 15th ed. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1956. 344 pp. (In Russian)
- Zerchaninov, A.A., Rajhin, D.Ya. & Strazhev, V.I. *Russkaya literatura: Uchebnik dlya IX klassa* [Russian literature. Textbook for the 9th grade of secondary school], 13th ed. Moscow: Uchpedgiz Pabl., 1954. 432 pp. (In Russian)